Воспоминанія о моемъ ученіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша старая духовная школа, извѣстная подъ именемъ „бурсы“, давно пріобрѣла себѣ печальную извѣстность—главнымъ образомъ благодаря талантливымъ „очеркамъ“ Помяловскаго. По этимъ очеркамъ лица, мало знакомыя съ духовнымъ вѣдомствомъ, и судятъ объ этой школѣ; но при этомъ допускаютъ крупную погрѣшность, не отличая низшей духовной школы—духовнаго училища—отъ средней—духовной семинаріи, и обыкновенно переносятъ то, что относится лишь къ училищу, на семинарію. Такой взглядъ на дѣло совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если духовныя училища времени, предшествовавшаго преобразованіямъ духовно-учебныхъ заведеній, произведеннымъ при оберъ-прокурорѣ Св. Синода графѣ Д. А. Толстомъ въ 1867 году, представляли нѣчто ненормальное и даже ужасное, то духовныя семинаріи и въ это время рѣзко отличались отъ нихъ. Происходило ли это отъ того, что учителя въ семинаріи были изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, а въ духовныхъ училищахъ, наоборотъ—изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, или причиной указаннаго были какія-нибудь другія обстоятельства—не беремся судить. Но различіе между состояніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ стараго времени—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Многіе изъ прошедшихъ курсъ училищъ и семинарій, порицая первыя, отдаютъ должное вторымъ. Съ цѣлью возстановить правильный взглядъ на духовныя школы стараго времени я рѣшился изложить воспоминанія о своемъ ученіи въ духовныхъ училищѣ и семинаріи. Будучи уроженцемъ одной изъ сѣвер-

ныхъ губерній, я учился въ училищѣ, находящемся въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ, а затѣмъ въ семинаріи—въ губернскомъ городѣ. Время моего ученія съ 1852 по 1869 годъ. Все, изложенное мною въ воспоминаніяхъ, представляетъ простое воспроизведеніе дѣйствительно бывшаго безъ всякаго старанія съ моей стороны дать ему ту или другую окраску: я старался быть вполнѣ безпристрастнымъ и говорить и писать только сущую правду. Писалъ я по сохранившимся у меня памятнымъ записямъ, составлявшимся почти ежедневно въ теченіе всего моего ученія.

I.

Въ духовномъ училищѣ.

Мнѣ было семь лѣтъ, когда отецъ мой, сельскій священникъ, былъ переведенъ въ уѣздный городъ на хорошее мѣсто. Въ этомъ-то городѣ и было духовное училище, или, какъ въ разговорномъ языкѣ называли—„бурса“. Помню, какъ отецъ повелъ меня съ старшимъ братомъ къ смотрителю училища, который подарилъ намъ по новому экземпляру псалтири и отправилъ насъ съ отцомъ въ училище. Помню также, что отецъ поднесъ смотрителю два фунта чаю. Это было въ началѣ сентября 1852 года.

Всѣхъ классовъ въ духовномъ училищѣ было четыре, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ. Ежедневно, разумѣется, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, было по четыре двухчасовыхъ урока. Первые три урока были отъ 8 часовъ утра до 2-хъ—по полудни; а послѣдній урокъ былъ послѣ обѣда—отъ 4-хъ до 6 часовъ вечера. Общежитія при заведеніи не было; всѣ жили на квартирахъ въ городѣ, а городскіе ученики—у родителей или, какъ сироты, у близкихъ родственниковъ. Остальные жили на частныхъ квартирахъ у жителей города, съ которыми дѣлали условія родители относительно содержанія дѣтей. Одни нанимали для дѣтей одну только квартиру, а на содержаніе ихъ оставляли муку на хлѣбъ и давали денегъ рубль или два, смотря по средствамъ отца, на такъ называемую у насъ „вологу“, то есть горячую пищу; при дешевизнѣ тогда припасовъ и крайней невзыскательности вкусовъ у иныхъ учениковъ хватало этихъ денегъ мѣсяца на два, на три. Городъ нашъ по населенію былъ невеликъ, но очень раскинутъ, вслѣдствіе того, что у богатыхъ жителей, жившихъ, большею частію, въ центрѣ города, были сады при каждомъ почти домѣ, иногда довольно большіе. Поэтому бѣдное населеніе жило въ такъ называемыхъ „пригородахъ“,

которыхъ было три, подъ разными названіями. Пригороды эти отдѣлены были отъ города большими пустыми пространствами, называвшимися обыкновенно „спольемъ“. Здѣсь-то, большею частію, и жили наши ученики въ виду дешевизны квартиръ. Лѣтомъ ходить оттуда въ училище, находившееся совсѣмъ въ другомъ концѣ города, пожалуй и пріятно. Но ходить зимой при 30 и болѣе градусахъ мороза, въ худой одеженкѣ и дырявыхъ саногахъ, было очень трудно. Частыя вьюги, доходившія иногда до силы урагановъ, наносили огромные сугробы снѣга, которые не скоро расчищались; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ пробивались дорожки самими пѣшеходами; ходить по такимъ сугробамъ, особенно маленькимъ ученикамъ, было положительно невозможно. Таково было положеніе нашихъ учениковъ, не имѣвшихъ общежитія.

По приходѣ всѣхъ учениковъ въ классъ, предъ началомъ перваго урока была общая молитва въ особомъ залѣ; такая же молитва была тамъ же и вечеромъ послѣ четвертаго урока въ 6 часовъ. На нихъ утромъ и вечеромъ пѣлись разныя молитвы и церковныя пѣснопѣнія; продолжались они не менѣе четверти часа и были памятны намъ по тѣмъ послѣ нихъ экзекуціямъ, какія въ этомъ залѣ совершались. Жизнь учениковъ въ этомъ училищѣ проходила такъ тяжело, особенно въ первые годы, что теперь становится непонятнымъ—какъ мы могли переносить эту жизнь: да мы ли это были? Наше ли тѣло испытывало тѣ истязанія, порки и побои, какимъ ежедневно подвергали насъ начальство и учителя за малѣйшіе проступки, а иногда и безъ всякой вины. Начнемъ нашу рѣчь съ начальства и учителей училища. Смотрителей во время нашего пребыванія въ бурсѣ смѣнилось три: первый, при которомъ мы поступили въ училище, былъ свѣтскій человѣкъ, страдалъ чахоткой и умеръ черезъ годъ; второй протоіерей, прослужившій 5 лѣтъ, и третій іеромонахъ С., оставшійся еще смотрителемъ послѣ нашего перехода въ семинаріи. Всѣ они были очень строгіе, но особенно послѣдній. Не лучше ихъ были и два инспектора: одинъ священникъ, учившій еще нашихъ отцовъ и въ ихъ время запоровшій до смерти одного изъ учениковъ. Дѣло это, по словамъ отцовъ, такъ въ Лету и кануло; очевидно, мѣстное начальство, боясь огласки и скандала, скрыло этотъ вопіющій и возмутительный случай. Другой инспекторъ былъ свѣтскій, маленькій, худенькій, но очень зоркій; меньше ста лозъ не давалъ ученику, на котораго онъ никогда не смотрѣлъ, а потому думалъ, что сѣкутъ мимо, вслѣдствіе чего съ перваго года и опредѣлилъ такую порцію лозъ.

При поступленіи нашемъ съ братомъ въ I-й классъ учениковъ-товарищей оказалось 63, всѣ моложе 10 лѣтъ. Мы были дѣти го-

родского священника и явились въ классъ въ гарусныхъ рубашкахъ, между тѣмъ какъ другіе товарищи, дѣти сельскихъ священниковъ, бѣдныхъ дьячковъ и пономарей, сидѣли въ армякахъ или въ грубыхъ рубашкахъ, а иные даже, если было лѣто, и босикомъ. Поэтому всѣ товарищи съ перваго урока, должно быть изъ зависти, не взлюбили насъ. Жизнь наша въ училищѣ сразу стала невыносимою: надъ нами смѣялись, намъ злорадствовали, называя насъ „баричами", и часто безъ всякой вины били. Въ первый годъ ученія насъ не сѣкли, такъ какъ мы учились хорошо, за что́ товарищи еще болѣе насъ ненавидѣли. Во второй годъ мы рѣшились сойтись съ товарищами, принося имъ изъ дому хорошія закуски, и такимъ образомъ мало по малу помирились, хотя безъ дракъ не обходилось и потомъ.

Порядокъ ученія въ нашемъ училищѣ въ то время былъ такой. Учителя всѣхъ классовъ для облегченія себя назначали каждый въ своемъ классѣ такъ называемыхъ „авдиторовъ" (auditor-слушатель) изъ лучшихъ, по ихъ мнѣнію, учениковъ. Эти авдиторы утромъ по приходѣ нашемъ въ классъ (для чего мы приходили за полчаса раньше срока) выслушивали наши уроки и отмѣчали наши отвѣты въ такъ называемыхъ „нотатахъ". Каждый авдиторъ выслушивалъ 5, 6 человѣкъ и отмѣчалъ отвѣтъ нашъ въ нотатѣsc. (т. е.: scit—знаетъ), или ns (nescit—не знаетъ). Если не дать авдитору хорошей закуски, то онъ часто и при знаніи урока ставилъ ns. Правды, значитъ, не было и между товарищами. По приходѣ учителей въ классъ,—а ходили они, большею частію, на часъ, иные на полтора, а были и такіе ретивые, которые являлись чуть не со звонкомъ, авдиторы подавали имъ нотату. Иные учителя не брали даже и нотаты, такъ какъ до прихода учителя всѣ отмѣченные ns должны были стоять на мѣстѣ своемъ на колѣняхъ, которыхъ они сейчасъ и замѣчали. Но многіе брали и нотаты. Нѣкоторые изъ учителей прежде всего пороли стоящихъ на колѣняхъ, а затѣмъ уже занимались своимъ дѣломъ; были впрочемъ и болѣе справедливые: внимая мольбамъ отмѣченнаго, они выслушивали его, и, если находили его знающимъ, то наказывали тогда самихъ авдиторовъ. Но такіе случаи были очень рѣдки въ теченіе моего десятилѣтняго въ училищѣ обученія. Къ сѣченію мы какъ-то привыкали: пороли насъ свои же товарищи; но это были люди отпѣтые: ничему не учились, старшіе и учителя отъ нихъ отказывались и сидѣли они на послѣднихъ партахъ. Мы называли ихъ: „сѣкарями", а учителя—почему-то: „каппадокійцами". Сѣкли насъ послѣ утренней или вечерней молитвы въ присутствіи всего училища, за лѣность, за громкій смѣхъ въ классѣ, за нечаянное разбитіе стекла, за порчу вещей, за неявку по какой-либо причинѣ

въ классъ и т. п. Наказывали розгами часто и невиновныхъ по доносу такъ называемаго старшаго. Это былъ одинъ изъ учениковъ IV-го класса, назначавшійся инспекторомъ; ихъ было всегда отъ 5 до 6. Должность ихъ состояла въ хожденіи по квартирамъ учениковъ младшихъ классовъ, въ слушаніи ихъ уроковъ, въ наблюденіи за ихъ шалостями; все это они записывали въ выданные имъ журналы, даже тѣхъ, кого не застали на квартирѣ, и обо всемъ доносили потомъ инспектору. Авдитора можно было ублаготворить хорошей закуской; старшаго же ничѣмъ нельзя было умилостивить: ни слезами, ни мольбами, развѣ только деньгами. Деньгами богатые ученики иногда подкупали даже учителей (хорошо помню одинъ случай съ ученикомъ II класса Поповицкимъ), приходившихъ иногда въ пьяномъ видѣ и придиравшихся къ богатымъ ученикамъ, съ которыхъ и брали деньги, вѣроятно, на водку. Иного ученика наказывали розгами три раза въ день, несмотря на его заявленіе, что его уже сѣкли два раза; на это учителя обыкновенно отвѣчали: „не овесъ и сѣять“. Иныхъ сѣкли по два раза въ день и оставляли безъ обѣда до 6 часовъ вечера. Были и такіе случаи, когда ученикъ, вопреки приказанію учителя, ни за что не хотѣлъ ложиться подъ розги: упирался за парту, кусался; учитель такого ученика приказывалъ товарищамъ вытащить изъ-за парты, говоря: „ребята, возьмите его“. Къ стыду нашему находились охотники изъ сѣкарей, вытаскивали ослушника на средину и тутъ распинали его, приподнявъ отъ полу на аршинъ, что̀ учителя называли: „сѣчь на воздусѣхъ“. Сѣкли его два сѣкаря съ двухъ сторонъ, а иногда запарывали до безчувствія, такъ что уносили его на мѣсто, а послѣ урока сторожа или товарищи отводили его домой, гдѣ онъ лежалъ иногда недѣлю и болѣе и не ходилъ въ классъ. За худое чистонисаніе въ I классѣ часто сѣкли учениковъ розгами по рукамъ и заставляли потомъ опять писать. Могли ли хорошо писать вспухнувшія отъ розогъ руки? Чѣмъ руководились наши учителя при поркахъ учениковъ, укажу слѣдующіе три случая (я ихъ очень хорошо помню).

Былъ урокъ пѣнія во II классѣ; а извѣстно, что не всѣ ученики способны къ пѣнію, и потому иные, и зная ноту, поютъ худо и вздорно. Спросилъ разъ учитель пѣнія одного изъ такихъ неспособныхъ—пропѣть: „Съ нами Богъ“. Пѣснь эта по обиходу начинается съ очень высокихъ нотъ, какъ извѣстно. Лишь только ученикъ взялъ первую высокую ноту, весь классъ такъ и грохнулъ отъ смѣха, а первый ученикъ — громче всѣхъ. „Лозъ!“ крикнулъ учитель, обращаясь къ первому ученику: „ты смѣялся!“ На заявленіе ученика, что смѣялся весь классъ, учитель отвѣтилъ: „ты громче всѣхъ. Ложись!“ И влѣпилъ ему, несчастному, 150 лозъ. По окончаніи порки

ученикъ сѣлъ на свое мѣсто и долго горько плакалъ. Къ концу урока онъ немного успокоился и, увидавъ на партѣ муху, поймалъ ее и раздавилъ. Учитель, замѣтивъ это, записалъ его въ журналъ „за мухоловство“. На вечерней молитвѣ въ тотъ же день инспекторъ высѣкъ этого ученика уже за мухоловство въ классѣ и далъ ему опять 150 лозъ.

Пришелъ въ III классъ на послѣобѣденный урокъ священной исторіи одинъ учитель сильно пьяный. Вошедши въ классъ, онъ подошелъ къ первому ученику по разрядному списку и сказалъ ему: „ты мальчикъ хорошій; учишься ты хорошо; но иногда шалишь, а мнѣ драть хочется, ложись“! Дѣлать нечего, — легъ, и его высѣкли. Второй ученикъ былъ очень смирный, хорошо учился и къ удивленію всѣхъ ни разу не былъ въ жизни высѣченъ. Учитель, обратившись къ нему, сказалъ: „перваго высѣкъ, какъ же тебя не высѣчь? Ложись“! И второй ученикъ былъ высѣченъ въ первый разъ въ жизни только потому, что такъ захотѣлось пьяному учителю. Потомъ и другіе учителя съ легкой руки пьянаго учителя стали его сѣчь. А затѣмъ цѣлый уже урокъ прошелъ у него въ поркѣ остальныхъ, — уже безъ всякихъ оговорокъ. Чтобы описать третій случай, нужно сдѣлать небольшое объясненіе. Кромѣ розогъ въ нашемъ училищѣ практиковались другія наказанія. Какимъ иногда издѣвательствамъ надъ мальчикомъ, какимъ только побоямъ и истязаніямъ не подвергались бѣдные ученики! У однихъ учителей былъ обычай: „молоть кофе“, то есть учитель бралъ ученика за волосы и кружилъ его, кружилъ долго, пока у этого не образуется порядочная плѣшь; такимъ образомъ многіе изъ нашихъ учениковъ прежде времени ходили плѣшивыми. Стоять на колѣняхъ отмѣченнымъ не знающими мы не считали почти и наказаніемъ. Но вотъ было варварское наказаніе для учениковъ: стояніе на голыхъ колѣняхъ по срединѣ класса на пескѣ, при чемъ иногда время отъ времени давалось два полѣна въ руки и этой пыткѣ подвергались иногда ученики часа 2, 4, 6 и даже болѣе. Мы съ братомъ въ III классѣ подвергнуты были однажды смотрителемъ училища такому наказанію на цѣлую недѣлю, но безъ полѣнъ въ рукахъ за то, что вслѣдствіе половодицы возвратились въ училище позже недѣлей съ пасхальныхъ вакацій отъ родителей, которые по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ были переведены въ это время въ дальнее село, въ 120 верстахъ отъ города. Какъ будто мы, мальчики, были виновны въ томъ! Злѣе и свирѣпѣе всѣхъ учителей былъ преподаватель ариѳметики и географіи, священникъ о. А—ій. Это былъ звѣрь, а не учитель, не знавшій самъ предмета и заставлявшій зубрить изъ учебника: „отъ энтихъ до энтихъ“, какъ онъ выражался, не объ-

ясняя намъ рѣшительно ничего. Понятно, мы зубрили, но ничего не знали изъ ариѳметики, каждый урокъ ожидая его съ великимъ страхомъ и трепетомъ! Даже сѣкари, и тѣ его боялись, такъ какъ онъ и имъ не давалъ спуску и норолъ ихъ. Завидя его подходящимъ къ училищу, мы всѣ крестились и молились: да пронесетъ Господь мимо насъ страшную грозу! Но гроза являлась плотная, высокая, здоровая, сердитая; вошедши въ классъ и обозрѣвъ стоящихъ на колѣняхъ, еще до чтенія молитвы, она уже кричитъ громовымъ голосомъ: „лозъ"! Всѣ дрожатъ, особенно стоящіе на колѣняхъ. Не спрашивая урока и не провѣряя отмѣтокъ авдиторовъ, онъ прежде всего начинаетъ пороть незнающихъ, а такихъ у него всегда было много. Затѣмъ принимается за знающихъ, заставляетъ ихъ написать на доскѣ цифры въ два числа: вверху 1850, а внизу 15.647, и спрашиваетъ ученика, что съ ними нужно сдѣлать? Ученикъ недоумѣваетъ. И вотъ—хвать! летитъ затрещина, да какая! Ученикъ сразу падаетъ тутъ же у доски. Былъ одинъ случай съ ученикомъ, который отъ удара учителя упалъ, поблѣднѣлъ и пролежалъ безъ сознанія болѣе часа. Звѣрь струсилъ и сталъ-было поднимать ученика, говоря: „Вася, встань!" Но тотъ не шевелился, его отнесли на мѣсто, и потомъ онъ всю жизнь не слышалъ однимъ ухомъ. Еще у этого учителя было наказаніе: поднимете ученика за виски и пронесетъ его по классу туда и обратно. Оставшіеся въ живыхъ его ученики до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ содроганіемъ. А былъ священникъ! За то и смерть его была, по словамъ очевидцевъ, самая мучительная. Избавились мы отъ него еще до смерти: пріѣхалъ ревизоръ, инспекторъ семинаріи, какъ разъ ко времени іюльскихъ экзаменовъ. Здѣсь онъ увидѣлъ наши знанія по ариѳметикѣ и тутъ же распорядился объ увольненіи звѣря-учителя. Къ началу слѣдующаго года на его мѣсто посланъ былъ другой, молодой; о немъ я скажу дальше. Былъ еще одинъ учитель латинскаго языка маленькій, горбатенькій, въ сущности—человѣкъ благодушный; но сѣчь и колотить любилъ, хотя не такъ много, какъ другіе: лозъ 10, 15. Больше онъ ставилъ на колѣни и дѣлалъ это особымъ образомъ: выставитъ гуськомъ учениковъ по всему классу другъ за другомъ по ту и другую сторону партъ, а средину оставитъ пустую для своего прохода. Затѣмъ онъ пойдетъ по классу и толкаетъ послѣдняго ученика своей маленькой ноженкой; этотъ, конечно, падаетъ, роняетъ другого, другой—третьяго и т. д. до конца, всѣ падаютъ и нарочно катятся подъ парты, а онъ самодовольно улыбается: вотъ-де я какой богатырь! Но больше всего онъ любилъ при чтеніи латинскаго текста за неправильное произношеніе словъ бить ученика въ голову кулакомъ, для чего вызывалъ всегда къ своему столу. Если ему надоѣ-

дало самому колотить въ голову, то онъ иногда вызывалъ двухъ учениковъ: одинъ читаетъ, а другой слѣдитъ за нимъ. Лишь только читающій сдѣлаетъ ошибку, учитель говоритъ другому ученику: „дай ему коку въ голову“. Тотъ даетъ. Затѣмъ перемѣняетъ ихъ роли, и уже битый бьетъ небитаго. Былъ учитель чистописанія, не тотъ, который когда-то сѣкъ по рукамъ, а другой послѣ него. Каждому ученику онъ выдавалъ особую пропись въ началѣ года, на которой были написаны какія-нибудь изреченія, напр., на моей: „Праздность есть мать всѣхъ прочихъ пороковъ“. И эту пропись писали мы до рождественныхъ экзаменовъ, такъ какъ у насъ въ теченіе года было два экзамена: передъ Рождествомъ и въ іюлѣ. Этотъ учитель чистописанія чинилъ намъ перья, такъ какъ мы писали гусиными перьями, а о стальныхъ тогда и помину не было. Для чинки перьевъ онъ собиралъ съ насъ 60 копѣекъ денегъ на перочинный ножичекъ, который и оставался всегда у него. При новомъ наборѣ учениковъ онъ дѣлалъ тотъ же сборъ. Написавъ свою пропись, каждый ученикъ подавалъ ее учителю, который разсматривалъ ее тутъ же при насъ и дѣлилъ ихъ на двѣ части. По подачѣ и пересмотрѣ всѣхъ тетрадей, онъ бралъ одну изъ этихъ частей, всегда побольше, называлъ фамиліи учениковъ, дурно написавшихъ и командовалъ: „Ложитесь всѣ разомъ! 1-му пять лозъ; 2-му десять, остальнымъ по 15, а послѣднимъ двумъ по 25 лозъ“. Являлись три—четыре сѣкаря изъ II-го класса, который былъ рядомъ съ I-мъ; а такъ какъ весь полъ былъ устланъ мальчиками, что̀ представляло весьма смѣшную картину; то сѣкари пороли наказываемыхъ со смѣхомъ, а самъ учитель, подпирая бока руками, смѣялся громко до упаду.

Не могу пройти молчаніемъ объ одномъ учителѣ, Александрѣ Ивановичѣ Поповѣ, прослужившемъ при мнѣ 4 года. Назначенъ онъ былъ къ намъ вмѣсто учителя-звѣря. Прямо со студенческой скамьи онъ посланъ былъ учителемъ и сразу завоевалъ нашу любовь и симпатіи. Онъ въ первый же урокъ объявилъ, чтобы мы не смотрѣли на него какъ на палача-учителя, а какъ на своего старшаго брата. Онъ не заставлялъ насъ зубрить, какъ его предшественникъ, а объяснялъ толково, а на другой день требовалъ отвѣта обстоятельнаго. Умное, красивое и доброе лицо его, высокій ростъ сильно привязывали насъ къ нему. Хотя онъ иногда и шутилъ и говорилъ съ нами о самыхъ обыденныхъ предметахъ, но умѣлъ держать себя такъ, что фамиліарничать съ нимъ мы и не помышляли. Онъ много насъ облегчилъ отъ тяжелыхъ испытаній, какимъ подвергали насъ въ то же время другіе учителя. Черезъ два года онъ женился и поступилъ въ нашъ же городъ священникомъ, оставшись по-прежнему учителемъ, и былъ такимъ же добрымъ и дѣльнымъ учителемъ.

Теперь скажемъ объ одномъ памятномъ для училища и для насъ событіи. Пріѣхалъ въ нашъ городъ преосвященный и посѣтилъ всѣ храмы, а ихъ въ нашемъ маленькомъ городѣ шестнадцать, и всѣ въ благолѣпномъ состояніи, благодаря щедрости богатыхъ купцовъ, которые ежегодно ремонтируютъ ту или другую церковь на свой счетъ. Осчастливилъ онъ своимъ посѣщеніемъ и наше училище. Смотритель привелъ его къ намъ въ IV классъ. Первый вопросъ владыки при входѣ въ классъ былъ данъ первому ученику: „мышка была ли въ ковчегѣ“? Ученикъ отвѣтилъ утвердительно. Затѣмъ онъ обратился ко второму ученику: „что такое Европа“? Тотъ, не подумавъ нисколько, быстро отвѣтилъ: „Европа есть государство“.—„Худо“, сказалъ владыка и вышелъ изъ класса.

При такой печальной обстановкѣ лучшіе ученики только и думали о томъ, какъ бы скорѣе перейти въ семинарію. На семинариста мы, ученики училища, смотрѣли почти съ благоговѣніемъ. Тотъ же прежній оборванецъ и сорванецъ въ училищѣ пріѣзжалъ на родину въ приличной одеждѣ, болѣе или менѣе степенный, говорилъ о благородствѣ и держалъ себя съ нами довольно гордо. Поэтому семинарія была для насъ какимъ-то высшимъ заведеніемъ, гдѣ людей облагораживаютъ, куда принимаютъ людей дѣльныхъ.

Наконецъ, и для насъ кончились тяжелыя испытанія; наступило памятное намъ и радостное 15 іюля 1862 года, день выдачи билетовъ на проѣздъ, роспуска и объявленія списковъ. Пріѣхало много отцовъ и матерей за дѣтьми; къ 9 часамъ утра всѣ ученики, многіе съ родными, собрались въ бурсѣ. Является по порученію инспектора старшій и посылаетъ всѣхъ въ соборную церковь на молебенъ. Послѣ молебна въ соборѣ пошли мы опять въ бурсу, куда пошли и родные учениковъ. Явился инспекторъ, одѣтый въ старинный мундиръ, поношенный и ветхій, по покрою, должно быть, временъ Екатерины, съ кипой билетовъ и списковъ. Прочитавъ разрядной списокъ переведенныхъ въ семинарію по первому и второму разряду, инспекторъ подошелъ къ первому ученику, подалъ ему билетъ (а свидѣтельства отосланы были уже въ семинарію) и, къ удивленію всѣхъ—поцѣловалъ его. Это такъ поразило насъ всѣхъ, много отъ него потерпѣвшихъ, что мы, забывъ все, грянули ему: „gratias agimus“! (благодаримъ). Не выдержалъ старикъ и залился слезами, прощаясь съ нами, какъ отецъ. Наконецъ, когда первый ученикъ въ благодарность поклонился ему въ ноги, онъ тутъ окончательно смутился; положивъ руки ученику на плечи, въ такомъ положеніи стоялъ долго, приговаривая, насколько мы поняли, слова раскаянія и извиненія. Намъ тутъ показалось, что въ сущности онъ былъ добрый старичекъ, но должность, время и среда его заѣли.

Затѣмъ онъ сталъ намъ выдавать наградныя книги, конечно, лучшимъ, назначенныя смотрителемъ, такъ какъ въ училищѣ правленія никакого тогда не было, а всѣмъ управлялъ смотритель.

II.

Въ духовной семинаріи.

Выдержавъ установленный экзаменъ, мы съ братомъ поступили въ семинарію, гдѣ въ то время было три отдѣленія: 1-е низшее, называвшееся „словесность"; 2-е среднее—философія, и 3-е высшее—богословіе, по главнымъ предметамъ въ отдѣленіи. Въ каждомъ отдѣленіи былъ, какъ и въ училищѣ, двухгодичный курсъ. Все начальство было съ нами вѣжливо, говорило намъ: вы, о чемъ въ училищѣ мы и думать не могли. Обращаясь съ нами вѣжливо и благородно, профессора невольно внушали и намъ постепенно тѣ же качества. Всѣ мы понимали, что драться, грубить, дурачиться, не приготовить урока, что было обычно въ училищѣ, было какъ-то стыдно. Да и самыя науки какъ-то сразу насъ заинтересовали. Профессоръ словесности, кромѣ отчетливаго и понятнаго преподаванія своего предмета, какъ-то скоро пріучилъ насъ къ чтенію хорошихъ книгъ, часто самъ читалъ въ классѣ и мастерски, особенно произведенія Гоголя и проповѣди митрополита Филарета. Читать мы стали много, между тѣмъ какъ въ училищѣ мнѣ не удалось прочитать ни одной книжки, кромѣ Бовы королевича; да тамъ и книгъ для чтенія не было. Заставлялъ онъ насъ еженедѣльно писать сочиненія на разныя темы и внимательно прочитывалъ ихъ. Темы сначала были на тексты, въ отвѣтъ на которые мы писали такъ называемыя „хріи". Во второй годъ профессоръ словесности училъ насъ писать стихи. Частое писаніе такихъ сочиненій такъ набило инымъ руку, что они и въ другихъ классахъ писали сочиненія такого рода безъ труда.

Въ семинаріи была богатая библіотека, гдѣ я въ первый разъ въ жизни увидалъ глобусъ. Выписывались всѣ тогдашніе духовные журналы, были классическія русскія произведенія, даже много было иностранныхъ переводовъ разныхъ европейскихъ лучшихъ писателей: Шекспиръ, Бокль, Веберъ, Шлоссеръ и др.

Общежитія и въ семинаріи не было, какъ и въ училищѣ; въ первые годы при первомъ ректорѣ нанимались начальствомъ квартиры для тридцати казенныхъ воспитанниковъ, жившихъ на содержаніи хозяевъ квартиръ. Но при дешевой платѣ начальствомъ за

содержаніе хозяева, понятно, не могли кормить воспитанниковъ хорошо. Обыкновенной пищей были щи и каша, которая въ постные дни поливалась конопляным масломъ. Понятно, что одна и та же пища въ будни и праздники надоѣдала. Воспитанники жаловались на дурную пищу начальству; но пока былъ этотъ ректоръ — мирились. Новый ректоръ во избѣжаніе этихъ жалобъ предложилъ казеннымъ воспитанникамъ самимъ нанимать квартиры, а на содержаніе получать деньги изъ казны. Въ первое время выдавалось ежемѣсячно по 5 руб. 15 коп., а потомъ уже ровно по 5 рублей. Квартиры эти нанимали воспитанники у хозяевъ на разныхъ условіяхъ: одни брали комнату, а содержаніе имѣли свое; другіе жили на квартирѣ и на содержаніи хозяевъ, платя, смотря по отдаленности мѣста отъ семинаріи, 3, 4 и 5 рублей въ мѣсяцъ. Нижнее и спальное бѣлье ученики получали отъ комиссара, а иногда выдавали прямо холстомъ, а шили мы его уже на свой счетъ.

Церкви при семинаріи не было, а всѣ воспитанники ходили къ церковнымъ службамъ въ соборъ, куда приходили инспекторъ и его помощникъ и приказывали „старшимъ“ пересчитывать отсутствующихъ. „Старшіе“ въ семинаріи были на тѣхъ же правахъ, что и въ училищѣ; избирались они инспекторомъ изъ лучшихъ богослововъ, ходили по порученію инспекціи по квартирамъ воспитанниковъ, выслушивали ихъ уроки. Нѣкоторые изъ нихъ, приходя на квартиры учениковъ, не позволяли имъ въ ихъ присутствіи садиться, пока они не выслушаютъ уроковъ и не уйдутъ. Но вреда они намъ не дѣлали; большая часть изъ нихъ были люди деликатные и не придирчивые, не въ примѣръ училищнымъ. Рѣдко изъ-за нихъ доставалось воспитанникамъ младшихъ классовъ отъ инспекціи что-либо непріятное. Въ философскомъ классѣ по назначенію не инспектора, а ректора, я былъ на время въ родѣ старшаго. Онъ поручилъ мнѣ обревизовать всѣ квартиры учениковъ духовнаго училища, что я исполнилъ съ большимъ усердіемъ: обошелъ всѣ квартиры, осмотрѣлъ сундуки и одежду учениковъ, разспросилъ о положеніи и званіи ихъ родителей и все это записывалъ. Собравъ всѣ свѣдѣнія, я составилъ ректору подробный отчетъ, въ которомъ я выставилъ болѣе бѣдныхъ учениковъ, дѣтей хотя и священниковъ, но крайне бѣдныхъ и многосемейныхъ. По требованію ректора отмѣченные мною ученики были приняты на казенное содержаніе.

Оставленный на повторительный курсъ въ словесности, я, кромѣ учебныхъ занятій, долженъ былъ заботиться не только о себѣ, но и о содержаніи своей бѣдной матери. Отецъ мой, изнуренный трудами и бѣдностью, скончался въ 1864 году 26 декабря, 48 лѣтъ отъ роду, оставивъ мать съ 8 сиротами и большими долгами, сдѣ-

ланными изъ-за насъ. Сейчасъ же, конечно, меня приняли на казенное содержаніе, но на 5 рублей можно было содержать только себя. Чтобы восполнить свои недостатки и быть въ состояніи помогать матери, съ третьяго же года ученія я испросилъ у начальства разрѣшенія давать уроки, сначала довольно дешевые. Но по мѣрѣ пріобрѣтенія опытности цѣна за нихъ стала возвышаться; я готовилъ дѣтей уже въ гимназіи и въ другія заведенія и за успѣшное подготовленіе, кромѣ условленной платы (4, 5 р. въ мѣсяцъ), иногда получалъ отъ родителей въ именины и большіе праздники хорошіе подарки. Потомъ у меня было по два и по три урока въ недѣлю, а предъ окончаніемъ курса и больше. Понятно, что большую часть своихъ заработковъ я отсылалъ своей матери.

Такимъ образомъ лишніе два года въ словесности не пропали у меня безплодно, и однимъ изъ первыхъ перешелъ въ философію.

Въ этомъ (1866) году поступилъ въ семинарію еще одинъ младшій братъ, и мы жили вмѣстѣ. Философскій классъ имѣлъ свой праздникъ 1-го іюня, когда церковь празднуетъ Іустина философа. При первыхъ ректорахъ въ этотъ день философы освобождались отъ учебныхъ занятій. Но при послѣднемъ, несмотря на наши усиленныя просьбы, такой льготы не давалось. Инспекторомъ въ это время у насъ былъ благороднѣйшій человѣкъ іеромонахъ Гел., котораго, къ нашей радости, произвели 2 іюня 1867 года въ архимандриты. Сочиненія въ философіи писать было труднѣе, особенно по логикѣ и психологіи; а по другимъ предметамъ они особой трудности не представляли, такъ какъ писались, какъ въ словесности, не стѣсняясь формой и числомъ листовъ. Экзамены въ этомъ году въ нашемъ классѣ произведены были въ іюлѣ въ теченіе пяти дней. Затѣмъ составлены были разрядные списки, по обычаю, на основаніи устава, начиная съ перваго разряда и кончая вторымъ. Къ третьему разряду причислялись обыкновенно всѣ, оставленные на повторительный курсъ.

Наконецъ, я перешелъ въ богословскій классъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ-богослововъ на своихъ первыхъ урокахъ говорили намъ рѣчи, внушая имѣть поведеніе образцовое, писать сочиненія самостоятельно; въ чемъ сомнѣваемся, обращались бы къ нимъ за разъясненіемъ; уроки учить основательно и помнить, что этотъ классъ для насъ послѣдній, что главная работа здѣсь у насъ проповѣди, поученія и экспромпты, что при хорошемъ окончаніи курса ученія дорога намъ открыта широко, и многое другое въ этомъ родѣ. Главный праздникъ здѣсь былъ Іоанна Богослова, два раза въ годъ, 26 сентября и 8 мая; дни эти праздновались всей семинаріей. Горе было писать проповѣди: требовались особыя формы, и мы были по-

ставлены въ тѣсныя рамки, въ которыя нужно было вставить массу мыслей, изложивъ ихъ въ краткой формѣ. Это насъ очень затрудняло; недоумѣваешь, бывало, что писать, куда что помѣстить. Бьешься иногда день, два и больше—все не нравится или ничего не выходитъ, а главное, надо было помѣстить массу текстовъ въ проповѣдь; чѣмъ текстовъ больше, тѣмъ проповѣдь лучше; живыхъ словъ мало полагалось. Одинъ изъ товарищей ухитрился написать проповѣдь, состоящую изъ однихъ текстовъ, а такъ какъ всякій текстъ подчеркивается, то проповѣдь его вся цѣликомъ была подчеркнута. Профессоръ и ректоръ расхвалили ее до небесъ, предложивъ автору сказать ее въ соборѣ въ большой праздникъ за обѣдней. Понялъ ли народъ эту проповѣдь, сомнительно, такъ какъ мы даже плохо ее понимали. За то онъ на той же недѣлѣ былъ посвященъ въ стихарь.

Здѣсь кстати разсказать исторію моего посвященія въ стихарь. Всѣхъ богослововъ обыкновенно посвящали въ стихарь только послѣ того, какъ ими были написаны хорошія проповѣди. Мои проповѣди были вообще недурны, но разъ я написалъ очень хорошую проповѣдь; профессоръ поставилъ лучшій баллъ, а ректоръ написалъ на ней: „Достоинъ посвященія въ стихарь“ и представилъ владыкѣ, который и согласился съ мнѣніемъ ректора. Посвящаемый въ стихарь обязанъ былъ говѣть недѣлю, исповѣдаться и въ воскресенье послѣ посвященія пріобщиться св. таинъ. Все это было мной исполнено. Но въ субботу за всенощной мнѣ велѣно было читать канонъ. Регентъ хора велѣлъ мнѣ читать по 8 ирмосовъ вмѣсто положенныхъ по уставу 14, что̀ я и сдѣлалъ. Владыка замѣтилъ это и не велѣлъ мнѣ завтра являться въ церковь для посвященія въ стихарь, а вмѣсто меня велѣлъ ректору прислать другого, хотя бы и не подавшаго проповѣди. Такъ и было сдѣлано; я остался безъ стихаря. Мѣсяца черезъ два я написалъ новую и отличную проповѣдь, и ректоръ, не написавъ теперь ничего, отнесъ къ владыкѣ, который, прочитавъ ее, написалъ уже самъ: „достоинъ посвященія въ стихарь“. Явившись въ церковь, я увидѣлъ въ алтарѣ еще двухъ причетниковъ, назначенныхъ тоже къ посвященію, что̀ дѣлается по уставу во время чтенія часовъ. Когда наступило время посвященія, архіерей спросилъ у иподіакона: „Кого тамъ нужно посвящать въ стихарь?“ Тотъ перечислилъ ему фамиліи. Услышавъ мою, владыка сказалъ иподіакону: „Ой, Г—а не надо, не надо! Онъ не нашъ, не нашъ!..“ Такъ я и остался опять безъ стихаря, хотя мнѣ въ то время было тяжело и обидно; на ректора это произвело непріятное впечатлѣніе. Вопреки прорицанію владыки: „онъ не нашъ“, служеніе мое до сихъ поръ болѣе 20 лѣтъ продолжается въ дух. вѣдомствѣ.

При семинаріи была воскресная школа, гдѣ учили богословы, сначала подъ руководствомъ профессора педагогики, а потомъ и самостоятельно. Занималось насъ въ школѣ всегда 10 человѣкъ и дѣло вели усердно; каждому изъ насъ хотѣлось примѣнить надъ дѣтьми тѣ методы обученія, какіе намъ сообщилъ профессоръ педагогики. Охотно мы ходили съ квартиръ въ семинарію по воскресеньямъ, куда собирались дѣти городскихъ жителей, для чего намъ былъ отведенъ свободный классъ.

Время отъ времени дѣлалась провѣрка нашихъ трудовъ по воскресной школѣ—учителемъ педагогики, ректоромъ, а иногда инспекторомъ. Въ мартѣ предъ экзаменами школьниковъ намъ приказано было заниматься съ ними усиленно, такъ что для этого освобождали насъ даже отъ воскресной обѣдни. Въ назначенный день и часъ явились мы къ владыкѣ вмѣстѣ со своими учениками во главѣ съ профессоромъ педагогики. Оставшись доволенъ экзаменами, владыка выдалъ по образку и книжкѣ, прибавивъ, что они присланы ему изъ министерства. А намъ за труды велѣлъ выдать по пяти рублей. На другой годъ профессоръ педагогики назначилъ намъ заниматься съ дѣтьми, кромѣ воскресенья, по вторникамъ и четвергамъ въ 6 часовъ вечера, такъ какъ былъ большой наплывъ учениковъ. Самое трудное для насъ было переучивать учениковъ; наученные дома: азъ, буки, вѣди.., они совсѣмъ не такъ выговаривали слова, какъ мы ихъ учили; домашніе учителя портили только дѣло. Чтобы развлечь дѣтей, мы показывали имъ картины изъ священной исторіи и разсказывали имъ изображаемыя на нихъ событія, и дѣти оживлялись.

Въ этомъ же первомъ году (1868) нашего богословскаго образованія 17 октября пріѣхалъ ревизоръ, членъ учебнаго комитета С. Ис. Л—въ для обревизованія училища и семинаріи. Сначала онъ обревизовалъ училище и нашелъ большіе безпорядки. Затѣмъ явился въ семинарію, присутствовалъ на урокахъ, ѣздилъ и по нашимъ квартирамъ и осматривалъ бытъ воспитанниковъ. Предъ отъѣздомъ онъ предложилъ начальству завести казенныя квартиры, или, какъ онъ назвалъ, „конвикты“ подъ наблюденіемъ какой-либо бѣдной вдовы изъ духовнаго званія и коммиссара, чтобы было не меньше 30 человѣкъ на одной квартирѣ. Велѣлъ двумъ младшимъ классамъ ходить ко всенощной, а намъ богословамъ къ утрени въ 6 часовъ утра, чтобы подготовлять насъ къ пастырскому званію. Наканунѣ отъѣзда онъ высказалъ начальству, что нашелъ много хорошаго и въ порядкѣ; но еще больше замѣтилъ требующаго исправленія.

Трое насъ, оканчивавшихъ курсъ, еще въ началѣ мая подали прошенія въ правленіе семинаріи о дозволеніи намъ поступить въ

духовную академію. Дѣло это тянулось довольно долго, ровно мѣсяцъ насъ уговаривали служить родинѣ, какъ просилъ владыка; но мы упорно настаивали на своемъ, доказывая, что и по окончаніи курса въ академіи придется намъ служить по духовному вѣдомству, только на болѣе высшихъ должностяхъ. Наконецъ въ началѣ іюня послѣдовала милостивая резолюція владыки: „разрѣшить означеннымъ въ прошеніяхъ воспитанникамъ семинаріи, имѣющимъ окончить курсъ, держать экзамены въ академіи: отобрать отъ нихъ удостовѣреніе, что они поѣдутъ и сдѣлаютъ обмундировку на свой счетъ; выдать имъ метрическія свидѣтельства и аттестаты подъ росписку по сдачѣ казенныхъ книгъ и наконецъ обязать подпискою прослужить въ духовномъ вѣдомствѣ за воспитаніе въ семинаріи четыре года“. Все это мы исполнили и, по сдачѣ книгъ по окончаніи курса, получили билеты на проѣздъ, метрическія свидѣтельства и аттестаты на руки. Простившись съ начальствомъ и со всѣми профессорами, мы отправились въ Петербургъ.

Михаилъ Гурьевъ.